

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 87–96.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2023; 4 (81):87–96.

Научная статья
УДК 821.112.2-2.09"18"
DOI 10.37724/RSU.2023.81.4.009

Специфика образа главной героини драмы «Мария Стюарт» в контексте представлений Фридриха Шиллера об истории

Алла Андреевна Игнатъева

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия
Alla.Leps@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики образа главной героини исторической драмы Фридриха Шиллера «Мария Стюарт». Образ Марии Стюарт осмысливается в контексте принципа субъективности, являющегося одним из главных для модерна как макроэпохи, а также особого понимания истории творцами искусства второй половины XVIII — начала XIX века. Этому соответствуют задачи работы: проанализировать образ главной героини драмы с точки зрения идей Ф. Шиллера, отраженных в созданных поэтом статьях, посвященных истории, и в его письмах; раскрыть своеобразие образа Марии Стюарт, связанное с творческими принципами эпохи модерна, субъективным пониманием отдельной исторической личности драматургом, а также с важными для искусства Нового времени вопросами гармонии личности и мира. В ходе анализа эпизодов драмы было выяснено, что намеренное смещение ракурса повествования с исторических событий на внутренние переживания главной героини пьесы было необходимо поэту для того, чтобы показать в центре произведения индивидуальность, которая стремится познать себя и определить собственное место в окружающем мире. Важной характеристикой образа Марии Стюарт выступает внутренняя свобода, благодаря которой главная героиня способна обрести душевную гармонию. В свою очередь свобода, являясь одним из важнейших понятий, составляющих личность, имела большое значение не только для Фридриха Шиллера, но и для эпохи модерна в целом.

Ключевые слова: внутренняя свобода, гармония, индивидуальность, принцип субъективности, эпоха модерна.

Для цитирования: Игнатъева А. А. Специфика образа главной героини драмы «Мария Стюарт» в контексте представлений Фридриха Шиллера об истории // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 87–96. DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.009.

Original article

Peculiarities of the image of the heroine of the play *Mary Stuart* in the context of Friedrich Schiller's ideas of history

Alla A. Ignatyeva

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia
Alla.Leps@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the unique characteristics of the portrayal of the main character in Friedrich Schiller's historical play, *Mary Stuart*. The figure of Mary Stuart is presented within the framework of the principle of subjectivity, which is one of the fundamental principles of Modernity as a macro-epoch. Additionally, it is examined in the context of specific perception of history that artists of the second half of the 18th and early 19th centuries had. This corresponds with the objectives of the study: to analyze the image of the

main character of the play in terms of F. Schiller's ideas reflected in his articles on history and in letters; to reveal the originality of Mary Stuart's image associated with the artistic principles of Modernity, the playwright's subjective perception of a historical figure, and themes of harmony between a person and the world that are significant for modern art. The analysis of the play shows that the intentional shift of the perspective from the historical events to the inner struggle in the heroine allows the poet to focus on the individual personality seeking to understand herself and to find her place in the world. The most distinctive characteristic of Mary Stuart is her inner freedom, which empowers her to achieve a profound inner harmony. The freedom being one of the most crucial aspects of personality had great significance not only for F. Schiller, but for Modernity generally.

Keywords: inner freedom, harmony, individuality, the principle of subjectivity, Modernity.

For citation: Ignatyeva A. A. Peculiarities of the image of the heroine of the play *Mary Stuart* in the context of Friedrich Schiller's ideas of history. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 4 (81):87–96. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.009.

Введение

Выбор данной темы неслучаен. Несмотря на то, что к образу шотландской королевы Марии Стюарт (Mary I Stuart, 1542–1587), созданному немецким поэтом Фридрихом Шиллером (Friedrich Schiller, 1759–1805), неоднократно обращались исследователи литературы, представляется важным осмыслить его с точки зрения актуальных исследований современной германистики, связанных с основополагающим для эпохи модерна принципом субъективности. Исходя из этого можно обозначить задачи данной работы: во-первых, проанализировать образ Марии Стюарт в неотрывной связи с главенствующей ролью личности в искусстве второй половины XVIII века; во-вторых, раскрыть своеобразие изображения Ф. Шиллером исторической личности в тексте драмы, основываясь на субъективном понимании автором исторического процесса, а также на определении роли истории, присущем культуре эпохи модерна в целом. Решение указанных задач будет способствовать наилучшему пониманию специфики образа главной героини драмы «Мария Стюарт».

Основная часть

Прежде чем говорить о важном для понимания драмы принципе субъективности, необходимо отметить, что в немецком литературоведении модерн понимается как макроэпоха. Она берет свое начало во второй половине XVIII века. Исследователь немецкой литературы А. И. Жеребин в работе «От Виланда до Кафки. Очерки по истории немецкой литературы» (2012) определяет эпоху большого модерна не как литературное направление, а как «парадигму художественного сознания» [Жеребин, 2012, с. 41]. Объединяющим основанием данной парадигмы является личность и ее способность осознавать реальность. Так, развиваясь в русле субъективизма, парадигма художественного сознания модерна включила в себя художественные эпохи и художественные представления о реальности. Это стало возможным благодаря тому, что восприятие действительности, которая определялась субъективизмом как нечто вторичное, напрямую зависело от личности, от творческих способностей ее сознания, являющегося, в свою очередь, первичным в конструировании реальности. Таким образом, главенствующая роль сознания закономерно привела к существованию большого количества художественных форм и методов отражения мира в произведениях культуры. Можно говорить о том, что форма исторической драмы предоставляет Ф. Шиллеру как писателю эпохи модерна следующие возможности: во-первых, осмыслить современную ему действительность сквозь призму произошедших в Англии XVI века событий; во-вторых, переместить акцент на личность, ее внутренние переживания и взаимоотношение с окружающим миром и этим поместить субъект в центр драматического действия.

Главенствующая роль личности, ее сознания, лежащая в основе принципа субъективности, сложилась, как отмечает Сильвио Вьетта (Silvio Vietta), благодаря работам французского философа Рене Декарта (Renè Descartes, 1596–1650). Совершенная ученым революция в философии заключается в следующем обосновании ее важнейшего нового принципа: „...daß er das denkend-vorstellende Subjekt, also den menschlichen Verstand, als erstes Prinzip der neuen Philosophie setzt“

[Vietta, 1992, с. 22] («...он [Декарт] устанавливает в качестве первого принципа новой философии мысляще-представляющий субъект, то есть человеческий разум»). Субъект, способный посредством разума определять реальность, становится центром не только новой философии, но и, как считает С. Вьетта, литературы эпохи модерна. С этим, бесспорно, можно согласиться. Именно смещение авторами ракурса повествования на личность сформировало круг важнейших для литературы Нового времени вопросов, связанных с человеческой свободой и взаимоотношением личности и мира.

Такой интерес писателей времени модерна обусловлен, как полагает исследователь Дирк Кемпер (Dirk Kemper), задачей, ставшей основной для личности Нового времени, а именно необходимостью обретения «Я» своего места и значения в системе общего миропорядка. В работе «Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна» (2009) автор акцентирует внимание на том факте, что в предшествующие Новому времени культурные периоды, включая Античность и Средние века, изначальная заданность мирового порядка являлась фундаментом картины мира. Отличие эпохи Нового времени состоит в том, что личность более не занимала своего определенного места в существующем миропорядке, что привело ее к необходимости самоопределения. Ученый отмечает, что условие «для координации Я и мира переносится во внутренний мир личности» [Кемпер, 2009, с. 12]. Таким образом, личность сама творит реальность и также ищет способы для включения себя во всеобщий процесс мирового развития. Именно необходимость самоопределения человека и взаимоотношение его с миром становятся объектами творческого внимания писателей эпохи модерна, в том числе и Фридриха Шиллера.

Можно предположить, что во многом потребность определения места личности в мире, понимания себя и мира как целого стали основополагающими мотивами для создания Ф. Шиллером исторической драмы «Мария Стюарт». Для подтверждения данной мысли стоит говорить об особом значении истории для эпохи модерна. Так, осмысление мирового исторического развития напрямую было связано с проблемой осознания индивидуальности и ее включенности в общемировое целое. А потому обращение творцов эпохи к событиям прошлого, а вместе с тем их переосмысление можно отнести к особой форме интерпретации. А. Г. Аствацатуров, говоря о такой форме, отмечает следующее: «В интерпретации находит свое воплощение древнейшее стремление человека познать в мире смысл...» [Жеребин, Аствацатуров, Вольский, 2020, с. 14]. Из этого следует, что художественное воссоздание исторических событий позволяло автору осмыслить себя и определить свое место в изменяющемся мире, а не только подробнее изучить интересовавший его исторический период. Кроме того, интерпретация истории позволяла писателям находить параллели между своей современностью и прошлым, что формировало представление о непрерывном движении времени, при котором все события связаны между собой. Таким образом, интерпретация как особая форма внутренней деятельности сознания оказывалась способной преодолеть оторванность личности от всеобщего миропорядка.

Особое понимание движения времени для эпохи модерна также важно для осмысления в ней роли истории. Так, А. И. Жеребин говорит, что история осознавалась эпохой Нового времени следующим образом: «Путь нисхождения в глубину истории был понят вместе с тем и как путь восхождения к вершинам будущего, потому что всеединое пространство культуры не знает ни верха, ни низа...» [Жеребин, Аствацатуров, Вольский, 2020, с. 28]. Из этого следует, что исторический процесс понимался как нечто неразрывное. Прошедшие события, связанные в единую цепь, представляли собой не временную линию, а нечто вроде временной спирали, в которой связанные между собой прошлое и будущее присутствовали в настоящем. Думается, что, будучи писателем эпохи модерна, Ф. Шиллер понимал историю именно так и поэтому обратился к событиям, произошедшим в Англии XVI века. Изучение исторических хроник и биографий открыли для Ф. Шиллера прямые параллели выбранного им исторического периода и современной ему действительности. Обращаясь к личности Марии Стюарт, поэт предпринимает попытку решить проблему отсутствовавшей внутренней гармонии, столь необходимой личности, а также гармонии всеобщей, без которой мир не мыслится единым.

Понимание исторического развития как ряда закономерно сменяющих друг друга событий, как отмечает литературовед А. Л. Вольский в статье «Эстетический миф немецкого модернизма: конструкция и деконструкция (презентация научного проекта)» (2018), привело к эстетизации истории как к одной из особенностей эпохи модерна. По мнению ученого, данная особенность заключа-

ется в «осмыслении истории сквозь призму эстетики» [Вольский, 2018, с. 38]. Полностью соглашаясь с утверждением А. Л. Вольского, хочется особенно подчеркнуть, что такое осмысление позволяло авторам обратиться к личности и ее внутреннему миру. В цепи сменяющих друг друга событий становится крайне важна именно индивидуальность, ее духовный мир и ее взаимоотношение с миром внешним. Для подтверждения данной мысли стоит обратиться к вступительной лекции Фридриха Шиллера к курсу истории для студентов университета Йены «В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения?» (*Was heißt und zu welchem Ende studiert man Universalgeschichte?*, 1789). В ней Шиллер указывает на то, что изучение истории позволяет «вырастить из себя человека, и вот именно к человеку обращает свою речь история» [Шиллер, 1956, с. 10]. Отсюда следует, что человек для поэта является центром многообразной канвы исторических событий. Кроме того, по мнению поэта, история как область человеческого познания включает в себя весь нравственный мир. Ф. Шиллер замечал, что история фиксирует все происходившие с человеческим обществом перемены, взлеты и падения цивилизаций, каждый верный или ошибочный поступок. История открыта для каждого и, как можно предположить, она способна дать ответы на важнейшие вопросы бытия, потому что в своей основе она ориентирована на человека. Именно поэтому Ф. Шиллер, обращаясь к последним дням жизни Марии Стюарт, заостряет внимание не столько на интригах, сколько на душевном состоянии шотландской королевы. Средствами художественного искусства драматург воссоздает исторические события жизни Марии Стюарт, делая при этом акцент на психологической составляющей персонажей, которая имела особое значение в связи с интересом поэта к внутреннему миру героев. Ф. Шиллер творчески осмысливает как личность шотландской королевы, внутренним переживаниям которой уделяет особое внимание, так и стремится через отражение событий, произошедших в Англии XVI века, понять современную ему действительность.

Столь необходимое включение индивидуального в мировое целое определяло не только интерес авторов Нового времени к истории, но и позволяло выстроить диалог новой культуры с прошедшими домодернистскими эпохами. Особое значение для искусства Нового времени имела античность. Она, как особо подчеркивает в своей работе «Языки культуры» (1997) А. В. Михайлов (1938–1995), была для эпохи модерна живым культурным фактором. По мнению ученого, Античность не столько должна была специально воссоздаваться в процессе развития эпохи модерна, сколько «уже находится в ней» [Михайлов, 1997, с. 704]. Это привело к тому, что ощущение гармонии личности с окружающим миром, свойственное античному миру, становится ориентиром для эпохи модерна. Здесь стоит обратиться к стихотворению Ф. Шиллера «Боги Греции» (*Die Götter Griechenlandes*, 1788), в котором античный мир представлен как образец абсолютной мировой гармонии. Эта мысль особо подчеркнута в следующей строфе: „Durch die Schöpfung floß da Lebensfülle“ [Schiller, 1788, S. 162] («Через творение там текла полнота жизни»). Можно предположить, что под «полнотой жизни» поэт понимал гармонию человека и природы, гармонию отдельной личности, ценность индивидуальности. Также неслучайно Ф. Шиллер употребляет глагол „fließen“ («течь, струиться»). Жизнь в своей полноте охватывала все области бытия и не прекращала своего движения, подобно речному потоку, вместе с тем человек был неотъемлемой частью этого движения. Однако жизнь в современной поэту действительности не представлялась такой, как в древности. Человек был вынужден искать свое место в мире, что, как можно предположить, произошло из-за утраты личностью внутренней гармонии. В связи с этим стоит говорить о том, что в своей драме, посвященной последним дням жизни шотландской королевы, Ф. Шиллер стремится показать возможное становление личности как гармонического целого.

Прежде чем перейти к изучению образа Марии Стюарт в пьесе Ф. Шиллера, необходимо обратиться к уже существующим в литературоведении трактовкам данного персонажа. Если говорить о немецкоязычных исследованиях, то, например, в работе Ванессы Арльт (Vanessa Arlt) *Friederich Schillers „Maria Stuart“. Eine Verwandlung zur schönen Seele?* (2016) главная героиня драмы рассматривается как возможное художественное воплощение философского понятия „die schöne Seele“ («прекрасная душа»), описанного Шиллером в трактате «О грации и достоинстве» (*Über Anmut und Würde*, 1793). Исследователь Бернхард Грейнер (Bernhard Greiner, 1943) в работе *Tragödie als Negativ des „ästhetischen Zustands“* («Трагедия как негатив “эстетического состояния”», 2000), анализируя образ Марии Стюарт, выделяет *selbstreflexiv* (саморе-

флексию) как важную составляющую образа главной героини, отображение которой требует от поэта особого построения драматического действия. Сюзанна Корд (Susanne Kord) в статье *Weibermacht und Geschlechtslosigkeit. Dramenkönniginnen bei Schiller und seinen „Epigoninnen“* (2011) исследует созданный в драме образ Марии Стюарт в контексте гендерной теории и традиционного изображения женщин в исторических драмах.

Что касается отечественного литературоведения, то в работах П. Реймана «Основные течения в немецкой литературе 1750–1848 гг.» (1959), В. А. Пронина «История немецкой литературы» (2007), А. С. Мелькова, Е. В. Никольского «Грешница или святая: образ королевы Марии Стюарт в произведениях Фридриха Шиллера, Юлиуша Словацкого и Стефана Цвейга» (2007), А. Н. Макарова, Е. В. Киричук «Образ Марии Стюарт в трагедиях К. Г. Шписса и Ф. Шиллера» (2020) образ шотландской королевы рассматривается с морально-нравственной точки зрения, также особое внимание исследователи обращают на контраст созданных Ф. Шиллером образов двух королей: Марии и Елизаветы (Elisabeth I, 1533–1603), через их сравнение определяются особенности образа Марии Стюарт. Указанные трактовки образа главной героини драмы, без сомнения, значимы для понимания произведения. Однако они не учитывают важность личности для Ф. Шиллера.

В связи с главенствующей ролью субъекта для поэта можно отметить, что Ф. Шиллер ставит в центр драматического действия именно личность, отодвигая все интриги вокруг английского престола на второй план. Здесь стоит обратиться к письму Ф. Шиллера к И. Гёте от 19 марта 1799 года, в котором идет речь о замысле драмы: „Neigung und Bedürfnis ziehen mich zu einem frei phantasirten, nicht historischen, und zu einem bloß leidenschaftlichen und menschlichen Stoff; denn Soldaten, Helden und Herrscher habe ich vor jetzt herzlich satt“ [Schiller, 1799a] («Склонность и потребность тянут меня к свободному, вымышленному, неисторическому и к просто страстному и человеческому материалу; ибо солдаты, герои и правители сейчас мне не по сердцу»).

Возникает вопрос: почему при изначальном замысле создания пьесы с вымышленным сюжетом поэт обращается к жизни конкретной исторической личности? Ведь в письме поэт четко обозначает свой замысел: сюжет должен быть „frei phantasirten“ (свободно выдуманный, созданный свободной фантазией). И при этом для воплощения своего замысла Ф. Шиллер выбирает историю Марии Стюарт. В связи с данным противоречием стоит обратиться к характеристике драмы «Мария Стюарт», которую дал литературовед Пауль Рейман (Paul Reimann, 1902–1976) в работе «Основные течения в немецкой литературе 1750–1848» (1959): «[Она] единственная из его исторических драм, где идейные и мировоззренческие проблемы играют второстепенную роль» [Рейман, 1959, с. 265]. Если под идейными проблемами понимать интриги вокруг английского престолонаследия, идеологические столкновения католичества и протестантизма, а также несправедливость судопроизводства, то, действительно, эти исторические события не просто отодвинуты поэтом на второй план — они упоминаются вскользь и практически незначимы для основного драматического действия. Именно благодаря этому поэт добивается той свободы сюжета, которая была ему столь важна. Однако с мнением П. Реймана, касающимся отсутствия мировоззренческих проблем в пьесе, трудно согласиться. Ф. Шиллер, выдвигая в центр повествования субъект, фактически посвящает свое произведение вопросам духовной жизни личности и определения ею места в мировом целом.

Если говорить о специфике образа Марии Стюарт в исторической драме Ф. Шиллера, то вначале стоит сказать, что неоднозначно воспринимаемая личность шотландской королевы привлекала внимание авторов различных эпох. В рамках данной работы уместно обратить внимание на поэзию Пьера Ронсара (Pierre de Ronsard, 1524–1585), который был современником Марии Стюарт, а также на пьесу немецкого драматурга Христиана Генриха Шписса (Christian Heinrich Spieß, 1755–1799) «Мария Стюарт», написанную в 1784 году. Указанные произведения позволяют наиболее четко показать отличие воплощений образа шотландской королевы в литературе. Если внимание к пьесе Х. Г. Шписса объясняется тем, что она была создана в один исторический период с пьесой Ф. Шиллера, то поэзия П. Ронсара важна ввиду присущей культуре Нового времени особой связи эпох. Эрнст Роберт Курциус (Ernst Robert Curtius, 1886–1956) в работе «Европейская литература и латинское Средневековье» (*Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*, 1948) указывает на важность осмысления традиции «в ее пространственно-временном единстве» [Курциус, 2020, с. 73]. Так, обращение писателей, создававших свои

произведение в разные времена, к ярким образам обеспечивает непрерывность развития литературного процесса. Французский поэт П. Ронсар посвятил шотландской королеве несколько стихотворений. Из них стоит упомянуть произведение *Au départ* («На отъезд», 1561). В нем поэт воспринимает отъезд Марии Стюарт из Франции как уход из его мира чего-то прекрасного: „Tout ce qui est de beau ne se garde longtemps“ [Ronsard, 1561] («Все прекрасное не сохраняется надолго»). Этот уход хоть и печалит автора, но мыслится им как неизбежный, так как далее следует сравнение с цветением и увяданием роз и лилий. Любопытно, что имя той, кому посвящено стихотворение, в тексте ни разу не звучит, но несколько раз повторяется слово „beauté“ (‘красота’), которое неразрывно связано для автора с образом Марии Стюарт. В завершающих строках стихотворения Ронсар подчеркивает, что навсегда сохранит „Au cœur le souvenir d’une telle princesse“ [Ibid.] («в сердце память о такой принцессе»). Мария Стюарт стала для поэта символом красоты, а не эталоном правительницы. Такое восприятие важно для понимания того, как оценивали шотландскую королеву.

О Марии Стюарт обычно судят либо как о женщине, либо как о правительнице. По этой причине обратимся к драме Х.Г. Шписса (Christian Heinrich Spieß, 1755–1799), созданной более чем за десять лет до пьесы Ф. Шиллера. Шписс в своей пьесе акцентирует внимание на желании Марии Стюарт вернуть себе права королевы. Она хочет сбежать из долгого заточения в Шотландию и там вновь взойти на престол. В представлении Шписса Мария не претендует на трон Англии, что составляло главное обвинение против нее и из-за чего ей был вынесен смертный приговор. Для автора важно, что Мария желает восстановить только те права, что были ее изначально. Как отмечают исследователи А. Н. Макаров, Е. В. Киричук в статье «Образ Марии Стюарт в трагедиях К. Г. Шписса и Ф. Шиллера» (2020), «Мария Стюарт в изображении Шписса вызывает определенное сочувствие...» [Макаров, Киричук, 2020, с. 270]. Можно предположить, что такая оценка дана авторами данной статьи на основании того, что в драме Мария Стюарт представлена Шписсом как жертва интриг. Такое понимание главной героини также важно для осмысления особенностей воплощения данной исторической личности в художественных произведениях.

Неоднозначное восприятие Марии Стюарт — восхищение ее красотой, сочувствие ей, оценка ее как не самой удачливой королевы — было важно для Ф. Шиллера в его стремлении создать сюжет, где человеку, его страстям, переживаниям было бы уделено особое внимание. Здесь стоит вспомнить письмо поэта к И. Гёте от 18 июня 1799 года, в котором дается пояснение задачи главной героини: „Meine Maria wird keine weiche Stimmung erregen. <...> Sie empfindet und erregt keine Zärtlichkeit, ihr Schicksal ist nur Passionen zu erfahren und zu entzünden“ [Schiller, 1799b] («Моя Мария не будет вызывать мягкого настроения. <...> Она не чувствует и не возбуждает нежности, ее судьба — только испытывать и разжигать страсти»). „Keine weiche Stimmung“ можно понять как отсутствие у зрителя мотивов для симпатии, возможно, для жалости именно к главной героине. По замыслу поэта, Мария сама не испытывает ни к кому нежности и не должна получать ее в ответ. Шиллер употребляет в качестве сильнейшего проявления страсти слово не „die Leidenschaft“, а „die Passion“, в значении которого есть и ‘страсть’, и ‘страдание’. Можно предположить, что отсутствие зрительского сострадания к главной героине необходимо автору для того, чтобы наблюдатель смог взглянуть на Марию беспристрастно, то есть не сочувствуя ей и не осуждая. Именно поэтому создается впечатление, что сам Шиллер не восхищается Марией. Как автор он старается быть объективным. Но важно отметить, что некий мотив для сочувствия Ф. Шиллер все же создает в самом финале пьесы, в котором выясняется, что обвинения против главной героини изначально были ложными.

В связи с центральной ролью личности в пьесе можно говорить о разделении действий драмы на внешнее и внутреннее. Так, внешнее действие связано с попытками Мортимера и лорда Лестера освободить Марию. Оно необходимо для естественного движения событий драмы к финалу и, иллюстрируя собой лишенный гармонии мир, позволяет выделить на его фоне главную героиню. Но стоит отметить, что сама Мария во внешнем действии практически не принимает участия. Это ярко отмечено в первом действии пьесы, в котором зритель еще не видел главную героиню, однако услышал противоположные мнения, характеризующие ее. Так, для Анны Кеннеди она „Auf Leib und Leben — eine Königin!“ [Schiller, 1801, S. 553] («по плоти и жизни — королева»). В данном контексте слово „der Leib“, означающее ‘плоть’, ‘тело’, ‘нутро’, употреблено с целью выделить тот факт, что Мария является королевой по

праву рождения. Вместе с этим Анна Кеннеди уверена, что главная героиня и жизненным путем доказывает свою принадлежность к титулу. Напротив, для сэра Паулета Мария — „eine Mörderin“ [Ibid.] («убийца»): она виновна в заговоре против Елизаветы и совершенно заслуженно находится в заточении и приговорена к казни. Эта сцена подчеркивает, что Мария чужда миру Англии, вытеснена из него. Решения о ее казни или о спасении принимаются без ее участия. Такое бездействие главной героини необходимо Шиллеру для того, чтобы переключить внимание на деятельность ее души. Вынужденная оторванность от мира позволяет Марии обратиться к себе, благодаря чему автор может создать в пьесе внутреннее действие, которое требует отдельного рассмотрения.

Как упоминалось ранее, исследователь драмы «Мария Стюарт» Бернхард Грейнер (Bernhart Greiner) в работе *Tragödie als Negativ des „ästhetischen Zustands“* («Трагедия как негатив „эстетического состояния“») указывает на *selbstreflexiv* (саморефлексию) [Greiner, 2000, S. 146] как на отличительную особенность пьесы. Стремясь понять себя, Мария также осознает окружающую ее действительность и свое место в ней. Здесь стоит обратиться к следующей реплике главной героини: „Furchtbares Schicksal! <...> Bin ich geboren, nur die Wut zu wecken?“ [Schiller, 1801, S. 631] («Ужасная судьба! <...> Я рождена, чтобы вызывать только ярость?»). Мария, задумываясь о своем предназначении, ужасается ему. Вопрос, задаваемый главной героиней, несколько перекликается с замечанием автора, касающимся ее роли в пьесе. Мария должна вызывать лишь страсти, а „die Wut“ (‘ярость’) является одной из них. Данное размышление указывает на то, что Мария Стюарт очень ясно понимает как себя, так и мир, определяющий ее роль, изменение которой ей не подвластно.

Стоит обратить внимание на то, как Мария определяет мир, окружающий ее. В диалоге с лордом Берли, говоря о жизни в Англии, шотландская королева замечает: „Ich atme Die Luft in einem englischen Gefängnis“ [Schiller, 1801, S. 573] («Я дышу воздухом в английской тюрьме»). Данную реплику можно понимать, с одной стороны, как замечание Марии о ее нынешнем положении заключенной: она несвободна, она лишена всего, даже свежего воздуха, невозможного в стенах старого замка. Однако, с другой стороны, эти слова можно интерпретировать как особое отношение главной героини к тому миру, в котором она находится. Тюрьма для нее — не тот замок, где она заточена, а вся Англия. Возникает вопрос: почему Мария так воспринимает ту страну, на престол которой претендовала? Можно предположить, что подобное мнение сложилось из-за изменчивости английских законов. Мария прямо указывает Берли, что законы его страны неоднократно переписывались ради чьей-либо выгоды. Это означает отсутствие справедливости как важнейшей составляющей отношений между людьми. Добровольно приехав в Англию, героиня старалась найти здесь свое место, что оказалось невозможным из-за специфического государственного устройства этой страны. Отказываясь подчиняться изменчивым английским законам, Мария говорит о себе следующее: „[ich] Bin eine freie Königin des Auslands“ [Ibid., S. 573] («[я] свободная королева другой страны»). Важно, что Мария духовно ощущает себя свободной, несмотря на свое заключение. Это возможно благодаря тому, что она не подчиняется несправедливым, по ее мнению, законам. Также привлекает внимание реплика главной героини, касающаяся покушения на Елизавету, в котором ее обвиняют: „Mord würde mich beflecken und entehren“ [Ibid., S. 579] («Убийство запятнало бы и обесчестило меня»). Из данной фразы следует, что для Марии устранение соперницы неприемлемо даже при ее убежденности в том, что она является законной королевой Англии. Потеря чести для нее страшнее, чем отсутствие власти. Таким образом, Мария, не желая терять внутреннюю свободу и предавать свои идеалы честности, не находит своего места в мире, в котором люди фактически хотят узаконить ее убийство.

Понимание главной героиней себя и мира вокруг становится возможным благодаря ее вынужденной отрешенности от происходящего за стенами замка, где она пребывала в заточении. Отрешенность Марии оказывается крайне важна для пьесы и носит двоякий характер: с одной стороны, мир, в котором разворачивается внешнее действие драмы, сам не принял героиню, с другой стороны, она намеренно отрекается от внешнего мира, от возможности побега, от примирения с сестрой и от своей любви к лорду Лестеру. Здесь необходимо остановиться на характеристике понятия отрешенности христианским мистиком Майстером Экхартом (Meister Eckhart, ок. 1260 — ок. 1328). Несмотря на то, что прямых свидетельств

обращения Ф. Шиллера к трудам философа нет, однако перед нами — та домодернистская традиция, которая важна для эпохи Нового времени в связи с тем, что немецкие мистики обращались к человеку внутреннему, важному для эпохи модерна. Так, по мнению Экхарта, естественным местом пребывания Бога является «цельность и чистота, каковая проистекает из отрешенности» [Майстер Экхарт, 2001, с. 211]. Если говорить о Марии, то, вероятно, вынужденное отстранение от мира способствовало обретению ее душой той «цельности и чистоты», той гармонии, которая необходима для понимания как себя, так и Бога и мироздания. Вместе с этим важна мысль Экхарта о присутствии в каждой душе божественной искры принадлежности к Богу и всему, что Им создано. Это связано с представлением о личности, способной создавать реальность и осознавать божество. Ф. Шиллер уделяет особое внимание вопросу веры Марии Стюарт. Будучи католичкой, Мария находилась в заточении в стране, где преобладало протестантство. Создается впечатление, что поэтому главная героиня фактически создает свою веру благодаря способности своего сознания конструировать мир. Внешняя отрешенность помогла Марии добиться той внутренней свободы, особенностью которой А. Г. Аствацатуров отмечает способность «создавать свою личную религию, и эта религия включает в себя созданного человеком Бога» [Жеребин, Аствацатуров, Вольский, 2020, с. 231]. Мария Стюарт показана Ф. Шиллером как личность, способная создать собственную религию и достичь истинного божества. Для автора важна именно религия сердца, которая не противопоставляется ни католичеству, ни протестантству. Значима следующая реплика Марии: „Die Kirche ists, die heilige, die hohe, Die zu dem Himmel uns die Leiter baut“ [Schiller, 1801, S. 669] («Церковь святая, высшая, строит нам лестницу в небо»). Сформированное представление о религии позволяет Марии приблизиться к божественному. Неслучайно Мария произносит: „Im Glauben meiner Kirche will ich sterben“ [Ibid., S. 669] («В вере моей церкви я хочу умереть»). Так, „meine Kirche“ может пониматься как католичество, к которому принадлежала Мария, но, что более существенно, как обретенная ею религия сердца, которая позволила примириться с терзавшими ее страстями и прийти к пониманию божественного.

Особо важным в пьесе является факт осознания Марией Стюарт своей внутренней вины, которая заключается отнюдь не в заговоре против сестры. Много лет она обвиняет себя в убийстве мужа. Она знала о заговоре против мужа, но не предотвратила его. Мария, считая себя убийцей, терзается этой виной, потому что, несмотря на сложившееся о ней мнение как о королеве, жившей лишь в свое удовольствие, убийство человека было чуждо ее природе. В подтверждение этого стоит обратиться к реплике Марии, которую она произносит, будучи уверенной, что тень погибшего мужа ее преследует: „Und er wird nimmer Friede mit mir machen, Bis meines Unglücks Maß erfüllet ist“ [Schiller, 1801, S. 559] («И он не заключит со мной мира, пока не преисполнится моими несчастьями»). По мнению главной героини, искупление ее вины возможно лишь тогда, когда она переживет все несчастья, посланные ей за смерть мужа. Основываясь на мысли о главенстве внутреннего действия пьесы над внешним, можно предположить, что именно эта вина является ключевым мотивом в драме для казни Марии Стюарт. Для доказательства этого приведем слова Марии, которые она произносит на исповеди непосредственно перед казнью: „Gott würdigt mich, durch diesen unverdienten Tod Die frühe schwere Blutschuld abzubüßen“ [Ibid., S. 673] («Господь удостоивает меня этой незаслуженной смертью искупить ранний тяжкий долг крови»). Мария знает, что обвинения в заговоре против Елизаветы ложны и что она не заслуживает казни за это преступление. Однако в своей гибели она видит возможность искупления вины за убийство мужа. Более того, Мария сама судит себя и сама выносит себе приговор. И здесь внутреннее действие сходится с внешним. В финале случится казнь, о которой говорилось с начала пьесы, однако произойдет она не по воле дисгармоничного мира, а по воле личности, определившей такой исход. Благодаря этому Мария Стюарт примиряется с собой и восстанавливает нарушенный ею в прошлом миропорядок, на что указывает и характеристика главной героини, данная ей перед казнью лордом Лестером: „Sie geht dahin, ein schon verklärter Geist“ [Ibid., S. 678] («Она идет туда уже преображенным духом»). Лестер замечает внутреннее изменение Марии: она кажется ему перерожденной, возвышенной, а потому ей абсолютно нет места в его мире, и наречие „dahin“ можно понимать, с одной стороны, как указание на помещение, где случится казнь, а с другой стороны, как обозначение иного мира, для перехода в который Марии прощена ее вина.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: во-первых, Ф. Шиллер, создавая свою историческую драму в рамках основополагающего для эпохи модерна принципа субъективности, делает особый акцент на личности Марии Стюарт. В пользу этого говорит разделение действий драмы на внешнее и внутреннее, что способствовало наиболее полному изображению внутреннего мира главной героини, раскрытию для зрителя ее переживания и, что особо важно, описанию сложнейшего процесса познания личностью самой себя и определения ею места в мировом целом. Во-вторых, воссозданная в художественном пространстве драмы Ф. Шиллером историческая личность является воплощением одного из важнейших для философской системы поэта понятия «прекрасной души», что дает право говорить о специфике авторского восприятия исторического процесса. Представление в драме Марии Стюарт как сконцентрированного на себе субъекта позволяет автору искать решение вопросов гармонии личности и мира, актуальных для современной поэту реальности.

Список источников

1. Вольский А. Л. Эстетический миф немецкого модернизма: конструкция и деконструкция (презентация научного проекта) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. — 2018. — № IV-2 (36). — С. 35–41.
2. Жеребин А. И. От Виланда до Кафки: очерки по истории немецкой литературы. — СПб., 2012. — 480 с.
3. Жеребин А. И., Аствацатуров А. Г., Вольский А. Л. Человек эпохи модерна: герменевтика субъекта в немецкоязычной культуре XVIII–XX веков : моногр. / под ред. А. А. Вольского. — М. ; Берлин, 2020. — 516 с.
4. Кемпер Д. Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна. — М., 2009. — 384 с.
5. Курциус Э. Р. Европейская литература и латинское Средневековье. — М., 2020. — Т. 1. — 560 с.
6. Майстер Э. Об отрешенности. — М. ; СПб., 2001. — 432 с.
7. Макаров А. Н., Киричук Е. В. Образ Марии Стюарт в трагедиях К. Г. Шписса и Ф. Шиллера // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 266–283.
8. Михайлов А. В. Языки культуры. — М., 1997. — 909 с.
9. Рейман П. Основные течения в немецкой литературе 1750–1848. — М, 1959. — 524 с.
10. Шиллер Ф. В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения // Шиллер Ф. Собрание сочинений : в 7 т. — М., 1956. — Т. 4. — С. 9–31.
11. Greiner B. Tragödie als Negativ des „ästhetischen Zustands“ // Dramen / Schiller F. ; hrsg. von Matthias Luserke-Jaqui. — Tübingen, 2000. — S. 89–107.
12. Ronsard P. Au depart. — URL : www.maria-stuart.ru/content/literature/pierre-de-ronsard-stikhi-k-mary-stuart (дата обращения: 14.03.2023).
13. Schiller F. Briefe. — 1799a. — URL : www.friedrich-schiller-archiv.de/briefwechsel-von-schiller-und-goethe/1799/586-an-goethe-19-maerz-1799/ (дата обращения: 14.03.2023).
14. Schiller F. Briefe. — 1799b. — URL : www.friedrich-schiller-archiv.de/briefwechsel-von-schiller-und-goethe/1799/607-an-goethe-18-juni-1799/ (дата обращения: 14.03.2023).
15. Schiller F. Die Götter Griechenlandes. — 1788. — URL : [www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+\(1776-788\)/Die+Götter+Griechenlandes+%5B1788%5D](http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+(1776-788)/Die+Götter+Griechenlandes+%5B1788%5D) (дата обращения: 14.03.2023).
16. Schiller F. Maria Stuart. — 1801. — URL : www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Dramen/Maria+Stuart (дата обращения: 14.03.2023).
17. Vietta S. Die literarische Moderne. — Stuttgart, 1992. — 361 s.

References

1. Volsky A. L. The aesthetic myth of German modernism: construction and deconstruction (presentation of a scientific project). *Uchenyye zapiski Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University]. 2018, iss. IV-2 (36), pp. 35–41. (In Russian).
2. Zherebin A. I. *Ot Vilanda do Kafki: ocherki po istorii nemetskoy literatury* [From Wieland to Kafka: essays on the history of German literature]. St. Petersburg, 2012, 480 p. (In Russian).
3. Zherebin A. I., Astvatsaturov A. G., Volsky A. L. *Chelovek epokhi moderna: germenevtika subyektov v nemetskoazychnoy kulture XVIII–XX vekov: monogr.* [Man of the modern era: hermeneutics of the subject in German-speaking culture of the 18th–20th centuries: monograph]. Ed. by A. A. Volsky. Moscow, Berlin, 2020, 516 p. (In Russian).

4. Kemper D. *Goethe i problema individualnosti v kulture epokhi moderna* [Goethe and the problem of individuality in the culture of the modern era]. Moscow, 2009, 384 p. (In Russian).
5. Kurtsius E. R. *Yevropeyskaya literatura i latinskoye Srednevekovye* [European literature and the Latin Middle Ages]. Moscow, 2020, vol. 1, 560 p. (In Russian).
6. Meister E. *Ob otreshennosti* [On detachment]. Moscow, St. Petersburg, 2001, 432 p. (In Russian).
7. Makarov A. N., Kirichuk E. V. The image of Mary Stuart in the tragedies of C. H. Spiess and F. Schiller. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. 2020, iss. 7, pp. 266–283. (In Russian).
8. Mikhailov A. V. *Yazyki kultury* [Languages of culture]. Moscow, 1997, 909 p. (In Russian).
9. Reiman P. *Osnovnyye techeniya v nemetskoj literature 1750–1848* [The main trends in German literature of 1750–1848]. Moscow, 1959, 524 p. (In Russian).
10. Schiller F. What is the study of world history and what is the purpose of this study. Schiller F. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, 1956, vol. 4, pp. 9–31. (In Russian).
11. Greiner B. Tragödie als Negativ des „ästhetischen Zustands“. *Dramen*. Schiller F., Hrsg. von Matthias Luserke-Jaqui. Tübingen, 2000, pp. 89–107. (In German).
12. Ronsard P. Au depart. Available at: www.maria-stuart.ru/content/literature/pierre-de-ronsard-stikhik-mary-stuart (accessed: 14.03.2023). (In Russian and French).
13. Schiller F. *Letters of 1799* [Briefe]. 1799a. Available at: www.friedrich-schiller-archiv.de/briefwechsel-von-schiller-und-goethe/1799/586-an-goethe-19-maerz-1799/ (accessed: 14.03.2023). (In German).
14. Schiller F. *Letters of 1799* [Briefe]. 1799b. Available at: www.friedrich-schiller-archiv.de/briefwechsel-von-schiller-und-goethe/1799/607-an-goethe-18-juni-1799/ (accessed: 14.03.2023).
15. Schiller F. *Gods of Greece* [Die Götter Griechenlandes. 1788]. Available at: [www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+\(1776-788\)/Die+Götter+Griechenlandes+%5B1788%5D](http://www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Gedichte/Gedichte+(1776-788)/Die+Götter+Griechenlandes+%5B1788%5D) (accessed: 14.03.2023). (In German).
16. Schiller F. *Maria Stuart* [Maria Stuart]. 1801. Available at: www.zeno.org/Literatur/M/Schiller,+Friedrich/Dramen/Maria+Stuart (accessed: 14.03.2023). (In German).
17. Vietta S. *Literary Modernity* [Die literarische Moderne]. Stuttgart, 1992, 361 p. (In German).

Информация об авторе

Игнатьева Алла Андреевна — специалист по учебно-методической работе, ассистент кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия.

Сфера научных интересов: немецкая литература второй половины XVIII — начала XIX веков, драматургия Фридриха Шиллера.

Information about the author

Ignatyeva Alla Andreevna — specialist in educational and methodological work, a junior lecturer at the Chair of Russian and Foreign Philology of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.

Research interests: German literature of the second half of the 18th and early 19th centuries, Friedrich Schiller's drama.

Статья поступила в редакцию 09.04.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 09.04.2023; accepted for publication 25.09.2023.